

НА ДОНУ.

В это лѣто за довольно короткій промежутокъ времени мнѣ удалось побывать въ родныхъ краяхъ два раза. Первое мое посѣщеніе было слишкомъ кратковременно для того, чтобы поближе присмотрѣться къ станицѣ, казаку, его горю и радостямъ, а тутъ еще, какъ на зло, стояла и дурная погода—дождь лилъ, какъ изъ ведра; зато во второй разъ все благоприятствовало моимъ наблюденіямъ—пріѣздъ совпалъ со страдой лѣтнихъ работъ.

— Эхъ! нынче что-то приключилось неладное, жаловались казаки,—дожди всѣ наши лѣтніе распорядки перепутали. Вотъ теперь августъ мѣсяць, а мы только сѣна убираемъ. Спасибо, что кругомъ пошли машины: косимъ машиной, гребемъ машиной, остается перекопнить, да стоги скидать, а тамъ и за хлѣбъ надо браться.

— Ну, а что же теперь-то урожаи выжняютъ? спросилъ я своего содесятника по покосу.

— На низу да на полугорѣ ничего, благодареніе Богу, а на горѣ плохо.

— Плохо на горѣ, плохо! поддержалъ старый казакъ Лосевъ, задѣлывая свою обычную крученку въ палець толщины и намѣреваясь, очевидно, «покалякать»,—на горѣ хоть бы сѣмяна взять и то

слава Богу, а на низу, мотри, десятина ячменя дастъ нидовъ по полтораста.

— Ну, полтораста не у всякаго, а подь сто наберется! поправиль Лосева другой содесятникъ.

— А можетъ подь сто, быстро согласился старикъ,—да оно и лучше: все меньше будетъ работы, а то прямо изъ силъ выбьешься! подшутиль онъ.

— Эхъ! Левонъ Андревичъ, да что у тебя дѣтей-то нѣтъ—некому замѣнить?

— Да что дѣти! вонъ какіе работники стали: сынъ только съ полка пришелъ, ему бы одному въ пору косилку, или копны таскать, а ёнъ норовить либо быковъ водить, либо пойдетъ ихъ привирачивать, да и пропадетъ. Все жалуется на службу: чижало больно. И гдѣ тамъ чажести? За службу только разбалуются! ворчалъ старикъ, высказывавшій иногда неудовольствіе по адресу сына.

— Да! добро въ полку, вставиль молодой Лось, лѣнливо потягиваясь подь копной,—ни грестъ не надо, ни копнить, а бери себѣ готовое у фуражира и дѣлу конецъ.

— Ну, а ты бы, Левонъ Андревичъ, жениль его скорѣй, вотъ бы и были тебѣ лишнія рабочія руки.

— Женить-то легко, а вотъ руки-то рабочія взять трудно. А коли понадетъ баба брездѣльная, такъ чего хуже! закончилъ старикъ. Снова взялся за вилы и работа пошла обычнымъ порядкомъ, а сынъ его ворочался, какъ говорятъ казаки: «какъ пень черезъ колоду».

— Да! мѣняется жисть, заговориль черезъ нѣсколько минутъ старый Лось снова, подбивая копну вилами,—народу все прибавляется, а угодьевъ остается по-старому. Вѣдь бывало-то на етихъ самихъ мѣстахъ была вольница, а нонѣ въ дѣлежъ все пустили.

— Какъ вольница?

— Такъ! Изволите видѣть вонъ енти самыя груши? И старикъ ткнуль вилами на громадныя вѣковыя деревья, отличающіяся своими темными листьями отъ пышныхъ веребъ, густыми зарослями покрывающихъ нашъ лугъ.

— Ну, вижу.

— А вотъ ентотъ бурьянъ-то на берегу Аксайчика видите? и старикъ снова показаль вилами на громадную высокую заросль сорныхъ травъ, пышнымъ кустомъ разросшихся среди покоса.

— Вижу.

— А знаете откуда все это?

— Да вѣдь тутъ прежде «хуторовали» наши дѣды, отвѣтилъ я.

— Вотъ то-то и дѣло, что хуторовали. А куда все это подѣвалось? Вѣдь вотъ мы съ ихъ высокоблагородіемъ это еще помнимъ— при нашей памяти было! и старикъ обратился къ моему отцу.

— Да! какъ же не помнить? поддержалъ его отецъ; вотъ на мѣстѣ этой самой заросли стоялъ дѣдовскій флигель; къ Аксайчику лицомъ, къ переду причелкомъ, а правѣй, гдѣ трава погуще, все бизы были, а кругомъ садъ. При мнѣ-то онъ ужъ немного порѣдѣлъ, а прежде, говорятъ, садъ отличный былъ! вспоминалъ старикъ давно прошедшіе годы.

— Да какъ же не отличный, заволновался Лось,—вѣдь еще при мнѣ сколько етой груши, яблоковъ въ городъ-то отправляли, а родитель мой рассказывалъ, что при ихъ памяти съ етихъ самихъ хуторовъ помимо отправки въ городъ и вся станица кормилась. А нонѣ-то, что уцѣлѣетъ отъ проклятаго майскаго жучка, такъ дѣтвора зеленцомъ пообнесетъ. Бывало здѣсь и жили и скоть пасли. А скота-то сколько было!

— А давно отсюда переселились?

— Во время хомутовской воды ¹⁾. Стояли мы всѣ въ церкви, день былъ праздничный. Вдругъ кто-то приходит и говоритъ: тамъ по займищу ²⁾ вода идетъ прямо стѣною. Ну, народъ не достоялъ службы, бросились свое добро спасать. Много чего погибло, а хутора залило такъ, что съ нихъ всѣ выселились на бугоръ, гдѣ теперь наша станица и съ той поры и хуторовать перестали. Да! привольно было, просторно на Дону—сколько етой птицы разной по займищу, рыбы по рѣчкамъ да озерамъ. Прямо невпроворотъ. И запретовъ никакихъ не было, и свидѣтельствъ на охоту, а нонѣ все по-новому.

— Ну, а какъ, Леонъ Андреевичъ, новое-то хуже старого стало?

— Да какъ сказать, ваше б—іе, хуже тѣмъ, что народъ сталъ озорной—другъ друга норовятъ живьемъ поглотать, а лучше было тѣмъ, что прпвольнѣй было: вѣдь вотъ сколько по займищу грушъ

¹⁾ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ—наказный атаманъ войска Донского съ 1848—1862 г., сначала въ чинѣ генераль-лейтенанта, впоследствии генерала-от-кавалеріи и въ званіи генераль-адъютанта.

²⁾ Займище—заливной дугъ.

есть, все это вольные хутора были, а теперь вся земля отошла въ общество.

— Ну, а теперь на новые хутора у насъ много уходитъ изъ станицы?

— Человѣкъ семь. Самые бездомные. Ты ихъ не то, что на хутора, а хоть куда угодно посади—все ни кола, ни двора не будетъ. Вѣдь оно на хуторѣ подручнѣй хорошему хозяину, а не голяку. Ну, а хорошему хозяину здѣсь все бросать тоже дѣло неподходящее: вся у него абселюція ³⁾ здѣсь, опять же у каждаго садъ виноградный. А храмъ-то Божій?! Вѣдь тоже къ нему привыкли.

— А какъ же въ другихъ станицахъ идутъ на хутора? спросилъ я.

— Да оно, ваше б--іе, есть по всякому: кто на хутора, а кто съ хуторовъ, а вообще на хутора идутъ тѣ, у кого земли меньше, чѣмъ у мужиковъ стало, ну, а у насъ хоть и немного—около семи десятинъ на душу, такъ зато же мы не считаемъ садовъ, опять-таки займище. Гдѣ вы такое займище найдете, какъ наше Заплавское? Вѣдь вотъ мы покось еще не кончили, а ужъ подъ сотню копенъ сѣна накосили, а гдѣ его взять теперь-то, коли бы у насъ займища не было?

— А когда наши хуторяне выселяются?

— Богъ ихъ знаетъ! по-моему врядъ ли они и выселятся-то?

— А что?

— Да теперь ужъ многіе на попятный дворъ, а надъсы въ правленіи сказывали, что окружной объявилъ, что тѣ, кто записался на хутора, ужъ не моги отказываться, хоша и передумаль...

Черезъ нѣсколько дней я возвращался изъ города (Новочеркаска). Кругомъ на токахъ оживленіе: скрипятъ катки, покрикиваютъ казаки и казачки на кормильцевъ-бычковъ, мѣрнымъ шагомъ совершающихъ свой безконечный путь вокругъ высокихъ столбовъ, врытыхъ въ центрѣ токовъ, погромыхиваютъ вѣялки, пожелтымъ скошеннымъ посѣвамъ въ разныхъ направленіяхъ ползаютъ громадные возилки съ нагруженнымъ на нихъ хлѣбомъ, свозимымъ съ загоновъ на тока для молотбы, неподалеку отъ станицы тонкій столбъ дыма высоко вздымается къ небу—это работаетъ паровая молотилка, появившаяся въ нашемъ юртѣ впервые.

³⁾ Слово «абселюція» казаки производятъ отъ корня селиться, селеніе и подразумеваютъ подъ этимъ всѣ хозяйственныя постройки и домъ.

— Ваше б—іе, а ваше б—іе! обзываетъ меня кто-то изъ-за копны хлѣба.

Оглядываюсь и вижу двухъ казаковъ нашей станицы. Одинъ изъ нихъ уже пожилой человекъ лѣтъ за 40, а другой мой сверстникъ по приходскому училищу.

— Что такое?

— Сдѣлайте милость подвезите до станицы.

— Ну, садитесь. Вы откуда?

— Ъздили въ городъ оформить, значить, купчую.

— Какую купчую?

— Да вотъ я продалъ свое имѣніе, потому на хутора собираюсь, заявилъ мнѣ старшій изъ казаковъ—ну, какъ водится, вспрыснули покупку и немного развезло, а нашъ подводчикъ п бросилъ насъ посреди дороги. И шли мы, и шли съ Николаемъ, ногп отшибли, легли, проспались, а теперь вотъ домой надо.

Я въ душѣ подосадовалъ на себя, что согласился подвезти гулякъ, но они, очевидно, уже успѣли проспаться, такъ какъ никакихъ признаковъ опьяненія не было замѣтно. Съ другой стороны мнѣ представлялся удобный случай поговорить съ будущими «хуторянами», такъ какъ оба казака были изъ числа записавшихся на хутора. Про старшаго изъ нихъ если и нельзя сказать, что «нѣтъ ни кола, ни двора», но у насъ въ станицѣ его хозяйство слыветъ не за завидное: кромѣ поставленной еще его отцомъ каменной хаты, полуразваливашагося сарая, да 4—5-ти грушъ вдоль плетня—больше ничего, зато слава вѣчнаго гуляки установилась за нимъ очень прочно. Младшій—сынъ зажиточнаго казака-гвардейца, большой шелопаи и скандалистъ изъ числа молодыхъ, стремящихся «на отдѣлъ», т. е., пытающихся стать на свое собственное хозяйство.

Невольно припоминая приведенную выше характеристику нашихъ будущихъ «хуторянъ», я попытался съ ними заговорить на интересующую меня тему, но ничего опредѣленнаго добиться не могъ. Старшій изъ нихъ заявилъ, что онъ просто хочетъ «попробовать» и неоднократно старался пояснить, что рѣшилъ на ликвидацію своего дѣла въ станицѣ съ согласія своего сына, находящагося на службѣ, а младшій пояснилъ, что онъ, быть можетъ, на хутора и не пойдетъ, а причину перемѣны своего рѣшенія тоже почему-то не могъ объяснить. Изъ бесѣды со своими спутниками я вынесъ только такое впечатлѣніе, что и на хуторахъ они принесутъ столько же пользы дѣлу, сколько и въ станицѣ. Какъ разъ въ

это время мы подъѣхали къ улицѣ, гдѣ жили будущіе «хуторяне» и я ихъ высадилъ, а самъ тронулся дальше, разсматривая по пути свою станицу.

Невольно я перенесся мыслями лѣтъ на 20 назадъ и постарался сравнить нашу станицу того времени съ тѣмъ, что раскинулось передъ моими глазами въ описываемый моментъ. Какъ сейчасъ передо мной стоитъ моя родная колыбель въ томъ видѣ, какъ я припоминаю ее въ годы дѣтства: бѣленькія покрившіяся на бокъ землянки съ наросшими на крышахъ вѣниками, съ полуразвалившимися крытыми камышемъ сараями и съ искривившимися на бокъ плетнями, въ дыры которыхъ пользующіяся полной свободой казачьи свиньи совершали свои опустошительные набѣги на сады и огороды. Изъ всей станицы было только 5—6 приличныхъ домовъ подъ желѣзной крышей, да и то большая часть изъ нихъ принадлежали не казакамъ: одинъ — школа, другой — станичное правленіе, а третій домъ моего отца. Все остальное носило отпечатокъ бѣдности, а ужъ скромности во всякомъ случаѣ. Прошло 20 лѣтъ и та же родная колыбель приняла иной видъ: сама станица разрослась почти вдвое, широкія правильныя улицы, чистенькіе, деревянные дома, зачастую обложенные кирпичемъ и чуть ли не на полъ станицы подъ желѣзными крышами. Плетни уже отходятъ въ область преданій, развѣ только встрѣтите ихъ у такихъ хозяевъ, какъ одинъ изъ «будущихъ хуторянъ», только что разставшихся со мной. На смѣну плетнямъ явились правильныя деревянные изгороди. Цвѣтеть станица, цвѣтутъ частныя постройки, цвѣтутъ и общественныя: вотъ подъ бокомъ станицы дымить кирпичный заводъ, вонъ съ другой стороны ея высится громадная паровая мельница, на которой уже зажгли электричество, а вотъ на площади раскинулся громадный магазинъ. Хозяинъ его, жалуясь на плохія дѣла, все-таки не остановился передъ расширеніемъ въ этомъ году своей постройки вдвое и это только послѣ 10 лѣтъ торговли; вотъ громадное зданіе станичной школы, выстроенной подъ кирпичъ, а вотъ и громадный вѣковой храмъ, выросшій чуть ни вдвое на моихъ глазахъ.

Смотришь на все это, вспоминаешь недавнее прошлое, сравниваешь его съ настоящимъ, припоминаешь вѣчный плачъ мѣстной и столичной прессы на тему объѣднѣнія Дона и невольно останавливаешься надъ вопросомъ: ужъ точно ли такъ объѣднѣлъ Донъ, какъ объ этомъ кричать? Что же тогда за причина: кричать, что

Донъ бѣднѣеть, а наша и сосѣднія съ нею станицы цвѣтутъ не по днямъ, а по часамъ. Прежде о машинахъ только разговаривали, а теперь, не говоря уже о травокоскахъ, лобогрѣйкахъ, грабляхъ, вѣялкахъ, коихъ въ станицѣ сколько хочешь, появилась паровая молотилка, а слѣдомъ за ней простой рядовой казакъ заводитъ конную молотилку за 850 рублей. Прежде ѣздили наши казаки на скрипучихъ прадѣдовскихъ возахъ на деревянномъ ходу, а теперь, не говоря уже о желѣзныхъ осяхъ, появились и рессоры. А взгляните на то, какъ народъ одѣвается? Куда подѣвались скромныя женскія «кубилеки», куда пропали замѣнившія ихъ ситцевыя «кирасы»? Было время — да прошло. Теперь посмотришь на бабъ и дѣвокъ въ праздникъ — и шелкъ не диковинка, а всякій маломальски приличный казакъ блеститъ на солнцѣ своими лакированными сапогами и щеголяетъ дорогими «тройками» или отличными диагоналевыми шароварами и касторовыми мундирами. А взгляните осенью на сезонъ станичныхъ свадебъ. Разливанное море: купить на свадьбу на 50 рублей вина и водки это уже и не такъ страшно для зажиточныхъ сватовъ.

— Что же ты, Иванъ Петровичъ, дочку замужъ не выдаешь? спросилъ я какъ-то своего родственника казака.

— Да сватали прошлымъ годомъ, а немного деньжатъ не хватило, а абы какъ отдавать не хотѣлось.

— А сколько надо на то, чтобы справить дѣвку?

— По хорошему справить, меньше трехсотъ не уберешь, а то и всѣ пятьсотъ. Теперь не тѣ времена стали: вонъ я свою жену взялъ съ сундукомъ ситца да съ парой нодушекъ, а нонѣ шелки пошли, кашемиры, кровати желѣзныя, самовары, перины, зеркала да моды...

И нравъ, тысячу разъ правъ мой собесѣдникъ: тѣ, кто знаетъ станицу не по наслышкѣ, не по рассказамъ и литературѣ, да еще литературѣ только «ноющей» о томъ, что «казачество обѣднѣло», «казачество стонетъ подъ тягостью службы», тѣ никогда не могутъ согласиться съ искренностью этихъ крокодильихъ слезъ. И я за время 20-лѣтнихъ наблюденій казачьей жизни, казачьяго быта въ батареѣ и станицѣ вынесъ иное заключеніе: не скажу про Донъ, что онъ бѣднѣеть, когда на моихъ глазахъ богатѣютъ *дѣльные, хозяйственные* казаки, когда на казачьихъ земляхъ наживаются пришельцы иногородніе. Вѣдь привлекаетъ же что-то ихъ на Донъ, если по даннымъ переписи 1897 г. на 1.000 человекъ

населенія области войска Донского (изъ 2.564.238 душъ) приходится 476,9 крестьянъ и 95,7 мѣщанъ, а «войсковыхъ казаковъ» только 400,4. Вѣдь эти цифры краснорѣчиво говорятъ, что врядь ли жалобы на объѣднѣніе Дона справедливы — «отъ нужды нужды не ищутъ». Въ подтвержденіе моихъ доводовъ могу добавить: нашъ (Черкасскій) округъ въ смыслѣ пресыщенія его иногороднимъ элементомъ одинъ изъ тѣхъ 4-хъ округовъ (Донецкій, Черкасскій, Ростовскій, Таганрогскій), въ которыхъ сосредоточено $\frac{4}{5}$ всѣхъ крестьянъ, населяющихъ область. Слѣдовательно набивающіеся на Донъ иногородніе, вѣроятно, вопреки жалобъ на объѣднѣніе Дона, продолжаютъ богатѣть именно въ тѣхъ краяхъ, о которыхъ пишу и я въ своихъ замѣткахъ, подчеркивая, что на мой взглядъ *не объѣднѣли наши края, а наоборотъ—обогащаются...*

Да у насъ еще казачье богатство не такъ замѣтно, какъ это мнѣ пришлось наблюдать въ Задоньи, о которомъ можно было бы сказать еще больше, чѣмъ о нашихъ причеркасскихъ краяхъ.

Въ эту поѣздку ѣду какъ-то по Задонью. Между сѣдоками одной изъ типичныхъ задонскихъ бричекъ, то и дѣло попадавшихся намъ навстрѣчу, узнаю казака своего взвода, сослуживца по Маньчжуріи. Вижу—обрость бородой; я, видно, тоже измѣнился за 7 лѣтъ разлуки, но другъ друга узнали. Остановливаюсь и подзываю къ себѣ. Не скрою, пріятно было встрѣтить стараго сослуживца, хотя во взводѣ-то онъ былъ не пзъ лучшихъ—любилъ переброситься въ картишки. Пулей сорвался бородачъ со своего высокаго экипажа, какъ 7 лѣтъ назадъ такой-же пулей срывался со своего рыжого меренка (нынѣ запряженнаго въ парную бричку) по командѣ «съ передковъ» и стремглавъ летѣлъ къ хоботу орудія. Застегнулъ свою тужурку на всѣ пуговицы, поправилъ заломленную на бекрень артилерійскую фуражку, подходитъ. Ну, какъ водится, расцѣловались и заговорили о житьѣ-бытьѣ, о хозяйствѣ. Отвѣчалъ, отвѣчалъ мой бородачъ, смотрю слезы крупными каплями покатались изъ глазъ и слова не выговорить.

— Ты чего же плачешь, Касьяновъ?

— Да какъ же не плакать, ваше б—іе, вѣдь за семь-то лѣтъ сколько разъ вспоминалъ, думалъ, что не придется увидѣться и услышать о родной батарее, а вотъ привелъ же Господь...

Извиняюсь передъ читателемъ, что невольнo уклонился отъ темы, но привелъ эти небольшія подробности лишь для того, чтобы попутно подчеркнуть, что все-таки не всѣ еще казаки забываютъ

родные полки и батареи. Видно служба не для всѣхъ злая мачеха...

Ну, а теперь возвращаюсь къ дѣлу.

— Ты гдѣ же живешь? спрашиваю казака.

— На хуторѣ Платовомъ Бочаевской станицы.

— Помню. А куда ѣдешь?

— Въ станицу.

— Зачѣмъ?

— Да облюбовалъ тамъ мѣстечко—хочу купить и переходить.

— Ты что же это—люди на хутора изъ станицъ ѣдутъ, а ты въ станицу.

— Плохо стало, ваше б—іе.

— А что?

— Да годъ цѣльный прокрутишься, а коли за это время останутся тамъ какіе-нибудь рублей сто, только и нашего.

Долженъ замѣтить, что эти «какіе-нибудь рублей сто» были произнесены такимъ тономъ, что и я, и мой спутникъ товарищ-офицеръ долго потомъ разговаривали на эту тему—видно было, что для нашего собесѣдника эти сто рублей были не деньги; каждый изъ насъ съ большимъ почтеніемъ относится къ этой суммѣ, которой за годъ изъ жалованья не останется.

— Ну, а что же ты тамъ хочешь дѣлать?

— А буду заниматься тѣмъ же чѣмъ и тамъ, а окромѣ этого можно на свободѣ и другимъ чѣмъ позаняться. Ну, къ примѣру, торговымъ дѣломъ.

— Сколько же съ тебя просятъ за мѣсто?

— Немного дороговато, ваше б—іе, 2¹/₂ тысячи съ постройками.

— А ты сколько же могъ бы дать?

— Да 1.700 далъ бы.

Эта цифра опять была произнесена совершенно спокойно, будто разговоръ шель не о тысячахъ, а о копейкахъ.

Что же это опять результаты обѣднѣнія Дона, когда первый встрѣтившійся казакъ, да и казакъ не изъ зажиточныхъ во взводѣ, ворочаетъ такими деньгами?

— Ну, а какъ за войну твое хозяйство не разстроилось? спросилъ я своего собесѣдника.

— Никакъ нѣтъ, ваше б—іе, даже кой что поддержалъ за это время.

— Какъ же это такъ? удивился я.

— А у насъ общество давало ушедшимъ на войну по 10 десятинъ лишнихъ земли на выработку—вотъ, значить, два года за время войны земля у меня побыла, потомъ я по приходѣ попросилъ еще на годъ оставить—оставили. Ну, и слава Богу, кой-что осталось.

Поговорили еще и распрощались...

А вотъ передо мной три письма другихъ моихъ сослуживцевъ-казаковъ по батарее. Вотъ что они пишутъ о хозяйствѣ ⁴⁾:

1) «Пропишу я Вамъ про свое житье; домашніи обстоятельства мои по какой часъ четыре пары воловъ, пара лошадей. У меня жена да трое дѣтей старшій мой сынъ 12 л. находится въ приходскомъ училищѣ въ третьемъ отдѣленіи, учится пока молодцомъ съ похвальными листами переходилъ съ перваго и втораго отдѣленій. Домашніе и семейное обстоятельства пока неплохое, жить еще можно...» Урядникъ В. А.

2) «Разкажу про свое житье. Все время я занимаюсь хозяйствомъ, т. е. хлѣбопашествомъ. Веду хозяйство уледотворительно. Весна была холодная, сады морозы побили, хлѣба пока еще хорошіе, разливъ воды былъ хорошъ, рыбы мало...» Урядникъ П. В.

3) «Семейство мое состоитъ изъ меня и жены Маріи Оетисевны и дочери Вассы Емельяновны. За нуждой въ люди не ходимъ, своей сколько хочешь. Какъ говорится слава казачья, но житье собачья, а затѣмъ земли у насъ плохія, года неурожайные, жить плохо. Если бы и Вы, Ваше Б—іе В. В., нашли бы съ своей стороны мѣстечко мнѣ хотя бы руб. на 25 въ мѣсяцъ я могъ бы служить. А все-таки мы храбрые Донцы духомъ не падаемъ... А засимъ по написаніи сего письма остаюся живъ и здоровъ известный Вамъ слуга и храбрый воинъ бомбардиръ Е. Ч.».

Я умышленно сдѣлалъ характерныя выдержки изъ всѣхъ трехъ писемъ, полученныхъ мною. О первыхъ двухъ говорить не буду, остановлюсь на послѣднемъ. Въ немъ если и проглядываетъ противорѣчіе высказаннымъ мною взглядамъ, то читатель, я думаю, видитъ по духу взятой изъ письма выдержки, что автора его «храбраго воина» на какую землю не посади, въ какой хуторъ или станицу не загощи, все равно толку не будетъ никакого: вѣчно у него будутъ «неурожаи и плохіе года», а рядомъ болѣе хозяйственные и положительные сосѣди будутъ говорить въ это же самое время:

⁴⁾ Орфографія сохраняется по подлинникамъ.

«домашніе и семейные обстоятельства пока неплохіе, жить еще можно» или еще скромнѣе «веду хозяйство уледотворительно».

А что плохо на Дону стало, такъ это дѣйствительно: сердолюбивыя маменьки ноютъ о тяжести службы, стало появляться по станицамъ много любителей увильнуть отъ нея, на службу казаки справляются не всегда аккуратно, сильно трясутъ для этой надобности станичную кассу, двери которой, къ слову сказать, открыты очень широко. Правда, это дѣлается заимобразно, но странно то, что прежде, когда по моимъ наблюденіямъ Донъ былъ бѣднѣе, шероховатостей въ этомъ отношеніи было меньше. Еще болѣе страннымъ становится все это, когда, прислушиваясь къ разговорамъ старыхъ казаковъ, къ ихъ воспоминаніямъ о былыхъ, да еще боевыхъ дняхъ, изъ этихъ разсказовъ выносишь впечатлѣніе, что не такъ смотреть на службу отслужившій элементъ Дона, какъ рисуетъ ее себѣ современная молодежь.

Въ эту же поѣздку собрались мы какъ-то на рыбную ловлю. Закупили сѣтку для постройки бредня и отправляемся къ старому рыбакову Лисицѣ. Увидѣлъ хромой, изуродованный «скверной болѣзнью» служака сѣтку—куда и недомоганіе дѣвалось: быстро и весело «зашкандыбалъ» онъ плохо служащими ему ногами въ садъ къ рѣкѣ, закипѣла работа, а между дѣломъ полились разговоры и, конечно, на военные темы. Вспоминаетъ полуглухой и полуслѣпой дѣдъ походы, вспоминаетъ свое бывшее начальство и какъ онъ любовно отзывается о тѣхъ, кои заслужили хорошую память на бранномъ полѣ, сколько души, сколько восторга въ этихъ воспоминаніяхъ!

— Командовалъ нами Яковъ Петровичъ Баклаговъ. Славный былъ начальникъ, царство ему небесное. Стрѣлокъ былъ замѣчательный: бывало ѣдемъ по линіи, а черкесы ему у слѣдъ кричать «Бокмо, Бокмо!» ѣдемъ молча, а потомъ опостылѣетъ ему слушать черкесскую брехню, возьметъ у кого-нибудь винтовку и говорить: «А ну ка черкесская рожа! Я покажу тебѣ, какъ дразниться!» и заразъ ссадитъ его на землю. Промаховъ не давалъ. А въ дѣлѣ за- всегда бывало впереди всѣхъ. Въ сорокъ шестомъ году принялъ онъ нашъ полкъ, ну и пошла жисть иная: никому казаковъ не довѣрялъ и изъ строя не выпускалъ. Бывало въ дѣло итить—тишина, порядокъ, потому строй, а какъ на отдыхъ скомандуютъ ему «смирно», замахаеъ руками—не надо молъ, пуцай отдыхаютъ. Дуже сердечный и храбрый былъ человекъ—съ такимъ и служи-

лось хорошо, а теперь есть чѣмъ и вспомнить службу-то. А нонѣ наши кужата все службы пужаются, а развѣ она ужъ такая чи-жолая? Сытъ самъ, сытъ конь, жалованье идетъ, а намъ всѣмъ егимъ надо было самимъ промышлять...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора приходитъ ко мнѣ мать одного изъ казаковъ гвардейцевъ, находящагося на службѣ, съ просьбой передать сыну посылку.

— Ты что же ему пошлешь?

— А что вы возьмете?

— Давай, что хочешь, лишь бы не было громоздко да чтобы прилично было все запаковано и зашито.

Отправилась казачка домой, а въ день отъѣзда приносить ящичекъ съ разными станичными лакомствами и мѣшочекъ съ сухарями. Вмѣстѣ съ нею пришла и молодайка, жена служиваго. Начались причитанія бабъ о своемъ болѣзньемкомъ служивомъ и гаданье — «какъ-то ему тамъ живется?»

— А вы думаете, какъ ему живется?

— А кто же его знаетъ!

— Вѣдь онъ кончилъ учебную команду?

— Кончилъ?

— Ну, вотъ то-то. Смотри на сверхсрочную останется?

— Ну, не дай Богъ! Что же ему дома хуже что ли?

— Да, видно, на службѣ тоже не плохо, когда на сверхсрочную охотниковъ сколько хочешь. Вѣдь тутъ пойдѣ весь день съ утра до вечера быкамъ хвосты крути, какъ говорятъ у насъ на Дону, а тамъ-то уряднику и лошадь почистятъ и подадутъ осѣдланную.

— А, може, и такъ? смотреть на меня недовѣрчиво чадолюбивая мать.

— Повѣрь, что такъ.

Бабы успокаиваются.

Черезъ три дня я разговаривалъ со служивымъ, вызваннымъ мною по телефону для полученія поклоновъ и посылокъ. Пошли разпросы о семьѣ, о хозяйствѣ, объ урожаяхъ, а закончились всѣ разговоры высказанными служивымъ предположеніями остаться на сверхсрочную.

— Да вѣдь мать же говорила, что Боже упаси! передаю я.

— А они тамъ Богъ вѣсть, что думаетъ, а по мнѣ служи, сколько хочешь. Исправно служишь и начальство цѣнить. Жало-

ванье нонѣ хорошее. Чего не служить? Вотъ только родители не захотятъ.

— Ну, а какъ же быть?

— Да придется остаться самовольно.

Вспомнилъ я причитанія жены и матери, сопоставилъ съ намѣреніями ихъ сына, вспомнилъ рассказы дѣда Лисицы и стараго Лося, вспомнилъ трудовой день въ станицѣ и понятны мнѣ желанія молодого казака и его родителей.

— Добро въ полку, тамъ ни косить, ни грестъ не надо, а бери себѣ готовое у фуражира и дѣлу конецъ! промелькнули у меня въ памяти слова молодого казака Лосева, высказанныя имъ на покосѣ.

Банунъ воскресенья. Съ поля тянутся возы и дроги къ станицѣ, гдѣ уже раздается звонъ къ вечернѣ. Наша лошаденка тщательно тащитъ дроги по крутому песчаному берегу р. Аксая. Мы ѣдемъ компаніей на рыбную ловлю на ночь. Встрѣчающіеся казаки высказываютъ пожеланія удачи лаконичными возгласами: «часъ добрый!»! Разговоръ у насъ идетъ о томъ, какъ удачно лавливали мы рыбу въ предыдущіе годы, и всѣ желанія сводятся къ тому, чтобы не возвратиться домой съ пустыми руками.

Удушливая дневная жара смѣнилась пріятной прохладой лѣтнаго вечера, пріобрѣтающаго особенную мягкую свѣжесть въ обширномъ красивомъ лугу, мѣстами испещренномъ громадными стогами и частыми копнами сѣна, мѣстами живописно убранномъ пышными порослями камышей, душистыхъ сочныхъ травъ и веселыхъ, привѣтливыхъ зеленыхъ, какъ изумрудъ, вербъ. Быстрыя южныя сумерки окутываютъ даль, а лошаденка старательно плетется туда въ темноту по хорошо извѣстной и ей и намъ луговой дорожкѣ. Слышавшіеся до наступленія сумерекъ ружейные выстрѣлы казаковъ-охотниковъ, разбредшихся послѣ тяжелаго трудового дня по озерамъ, мало-по-малу стихаютъ. Верстахъ въ 17-ти вправо отъ дороги на громадной горѣ видны огоньки Новочеркасска, а еще дальше и немного лѣвѣе видно зарево электрическаго освѣщенія шумнаго и суетливаго Ростова; впереди виденъ яркій огонь маячнаго фонаря на Дону, откуда слышны заунывные свистки пароходовъ, далеко разносящіеся по испещренному безконечными рѣчками и озерами лугу. А вотъ и конечный пунктъ нашей поѣздки илистая, съ крутыми, поросшими осокой и тальникомъ берегами рѣчка Бакланцы. Выпрягнувъ лошадь, облачившись въ свои рыбацкія «забродскіе» костюмы, мы тихо вошли въ воду и,

разбросивъ бредень, медленно побрели вдоль берега. Тишина изрѣдка нарушается вслескомъ рыбы да шуршаніемъ бредня о нависшія надъ водой вѣтки тальника. По временамъ до насъ доносится несогласованный звонъ часовъ изъ трехъ ближайшихъ станицъ; не смотря на взаимную близость, каждая изъ нихъ ведетъ свой учетъ времени съ разницей до получаса. На самомъ крутомъ берегу Бакланцовъ стоитъ шалашъ сторожа, слѣдящаго, чтобы казаки не ловили рыбы недозволенными снастями. Иногда исполнители этихъ служакъ выходятъ изъ предѣловъ законности, такъ какъ они пытаются запрещать ловъ рыбы даже и такой узаконенной снастью, какъ бредень.

На этой почвѣ у меня былъ разговоръ съ однимъ изъ сторожей года 3—4 тому назадъ. Оказалось, что сторожь, съ своей точки зрѣнія, правъ—онъ получилъ такое распоряженіе отъ хозяина. Тогда я заинтересовался, откуда же хозяинъ получилъ такія полномочія. Оказалось, что, сдавая въ аренду рѣку, общество приговоромъ предоставило это право арендатору и тотъ хотѣлъ было имъ воспользоваться въ полной мѣрѣ, но представители того же общества, которое дало приговоръ, не пожелали подчиняться своему же собственному, хотя и незаконному, распоряженію.

Да! хорошее дѣло по основной идеѣ наше казачье общественное управленіе, но часто наталкиваешься на такія постановленія общественныхъ воротилъ, которыя ставятъ тебя втупикъ. Припоминаю такой случай.

День былъ праздничный. По улицамъ станицы, по заведенному обычаю, сновали разряженные дѣвки, а казаки небольшими группами тянулись къ станичному правленію. Мнѣ казалось, что станичниковъ интересуешь, или, по крайней мѣрѣ, долженъ интересоваться тотъ вопросъ, который, на мой взглядъ, представлялся гвоздемъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію станичнаго схода—это вопросъ о переходѣ на хуторское хозяйство. Но каково же было мое удивленіе, когда я попалъ въ станичное правленіе. Тамъ, несмотря на поздній часъ (5 ч. вечера, а начало схода было объявлено въ 12 ч. дня), почти никого не было: десятка 2—3 казаковъ сидѣли небольшими группами и мирно бесѣдовали на различные темы, но только не на тему о хуторахъ. Въ писарской комнатѣ толпилось нѣсколько мужиковъ, а вокругъ нихъ лебезили хозяева станицы. Писаря что-то усиленно писали. Послѣ нѣкотораго времени наблюденій и изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ мнѣ, наконецъ,

удалось выяснить причины, вызвавшія ухаживанія станичниковъ за невзрачными, но важными на видъ хохлами.

— Може, мою землю возьмете? суетился почтенный, убѣленный сѣдинами урядникъ передъ юнцомъ, по всѣмъ признакамъ иногороднимъ.

— А у тебя гдѣ она? небрежно бросилъ тотъ.

Урядникъ началъ свое длинное поясненіе, изъ котораго я понималъ, что его припаякъ соприкасается съ землей, уже заарендованной мужикомъ. Противно было смотрѣть на этотъ подобострастный видъ станичнаго общественнаго дѣятеля передъ разбогатѣвшимъ на казачьихъ паяхъ пришельцемъ-хохлою, а между прочимъ дѣло объяснилось очень просто.

Черта 3-й станицы лежитъ по обѣ стороны Дона. До прошлаго года станичники надѣляли землей ближе къ станицѣ казаковъ хлѣборобовъ, а тѣмъ, кто самъ не пашетъ, они отводили надѣлы за Дономъ, т. е., подальше отъ станицы, гдѣ всѣ пай уже сдавались въ аренду иногороднему элементу, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе наводняющему плодородные края войска. Казалось, что могло быть лучше этого благоразумнаго разрѣшенія вопроса? Но это пришлось не по нутру станичнымъ воротиламъ. Они рѣшили, что тѣ казаки, пай которыхъ за Дономъ, богатѣютъ за счетъ другихъ. Подкладка «справедливости» налицо. Начали «горланить» и добились передѣла земли на новый ладъ. Всѣ безъ исключенія станичники получили надѣлы въ трѣхъ мѣстахъ: по $1\frac{1}{4}$ десятины, за Дономъ, по $1\frac{1}{8}$ десятины, такъ называемой, толѣчной земли подъ станицей и по 4 десятины тоже близъ станицы, но немного долѣе толѣчной. Я думаю, всякій порядочный хозяинъ станетъ втупикъ передъ этимъ остроумнымъ рѣшеніемъ: люди толкуютъ объ уничтоженіи чрезполосицы, принимаютъ всѣ мѣры къ облегченію и улучшенію вопроса землепользованія хлѣборобовъ, а тутъ сами земледѣльцы дробятъ землю такими клочками. Зачѣмъ? Почему? невольно напрашиваются вопросы, на которые я получилъ отвѣтъ въ бесѣдѣ съ однимъ изъ представителей станичнаго сбора.

— Думали, ваше б—іе, наши «воротилы», что за Дономъ всѣ за надѣлъ деньги заработаютъ, а тѣ, кто побогаче, намѣтили толѣчные припайки за безцѣнокъ поскупить, а потомъ на нихъ деньги нажать. А получилось что? Хохоль понимаетъ, что каждый изъ насъ не поѣдетъ за Донъ обрабатывать $1\frac{1}{4}$ десятины, ну и даетъ теперь за нихъ, что хочетъ, а нашему брату куда же дѣваться?

Вонъ, смотрите, ходять теперь за хохлами да Христомъ Богомъ упрашиваютъ забрать припайки.

И дѣйствительно, казаки ходили за важно выступавшими по правленію хохлами, упрашивали ихъ, тѣ ломались, давали, что хотѣли... а затѣмъ—затѣмъ магарычи по случаю сдачи земли въ аренду; пропивались полученные гроши. Изъ правленія валилъ народъ въ пивную бывшего станичнаго атамана, неоднократно судившагося за нечистыя дѣла по управленію станицей, но получившаго «прощеніе» общества и сохранившаго среди станичниковъ авторитетъ...

Кромѣ разговоровъ о сдачѣ въ аренду земли я слышалъ и другіе, но ни слова не слышалъ о «хуторахъ»—повидимому, нашу станицу этотъ вопросъ не интересовалъ совершенно. Къ слову сказать, сборъ въ этотъ день такъ и не состоялся. Вотъ вамъ и рѣшаемъ вопросы сами. А какъ насъ заставить работать? Хочу—иду на сходъ, хочу—не иду. Денежный штрафъ побудилъ бы выборныхъ не манкировать службой, но дѣло въ томъ, что установить этотъ штрафъ можетъ все тотъ же станичный сходъ, а кому охота составлять приговоръ на свою голову?

Описанный здѣсь фактъ имѣлъ мѣсто не дальше, какъ въ прошломъ году и онъ такъ ярко запечатлѣлся въ моей памяти, что я, кажется, всегда буду вспоминать его въ тѣ минуты, когда мысли мои сосредоточатся на отрицательныхъ сторонахъ общественнаго самоуправленія Дона.

Странно вѣдь то, что каждый, или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ десятидворныхъ выборныхъ станицы—люди благоразумные, а соберутся массой—получится что-то несуразное, вопреки пословицѣ «умъ хорошо, а два лучше». Въ этомъ году мнѣ опять пришлось завести разговоръ объ этомъ дѣлежѣ и удалось выяснить, что большинство казаковъ ничего не имѣютъ противъ раздѣла земли на два надѣла близъ станицы, такъ какъ земля разная и одному можетъ достаться плохая, а другому хорошая; что же касается отрѣзковъ по $1\frac{1}{4}$ десятины за Дономъ, то здравомыслящіе люди смотрятъ на это, какъ на недоразумѣніе; никто не ѣздитъ за Донъ обрабатывать эту землю, а она сдается въ аренду за ненадобностью. Ну, а тогда, конечно, было бы проще ее давать тѣмъ казакамъ, кои сами хлѣбопашествомъ не занимаются.

Поздно ночью мы возвратились съ довольно удачной рыбной ловли. Станица спала. Сверхъ обыкновенія не было слышно ни пѣсенъ, ни визга гармоники. Говорять, что новый станичный атаманъ прижалъ немного публику и, если за хулиганами трудно услѣдить внѣ станицы, то въ чертѣ ея при желаніи, конечно, можно навести порядки и оградить мирныхъ жителей, если не отъ набѣговъ воровъ, то хотя бы отъ рева и безчинства развязной веселящейся молодежи, а то страсти разгорѣлись ужъ черезчуръ. Не такъ давно убили ребята хозяина сада лишь только за то, что тотъ поймалъ ихъ съ краденными фруктами на мѣстѣ преступленія.

Вотъ что говорилъ мнѣ все тотъ же старый Лось, возмущаясь поведеніемъ обнаглѣвшей молодежи:

— Чего имъ не убивать-то, ваше б—іе! Бей теперь сколько хочешь — либо оправдаютъ, нашедши подходящее смягченіе, либо въ тюрьму на отдыхъ засадятъ. То-то ему страшно это! Нѣтъ, но моему, убилъ человѣка — такъ и убійцу повѣсь, оно другому nepовадно будетъ. Законы тѣ же остались, что и раньше были, а только толкователи-то другіе...

Слушая эти слова я невольно вспоминалъ глубокоправдивое и жизненное описаніе тяжелыхъ истинъ, затронутыхъ г. Родіоновымъ въ его произведеніи «Наше преступленіе». Аналогичные убійство и судъ имѣли мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ моихъ родныхъ краяхъ. Сходство до того поразительное, что невольно задаешь себѣ вопросъ: ужъ не изъ жизни ли моей родины взяты нѣкоторыя «бытовые» картинки казакомъ-писателемъ?

Кончился отпускъ. Проѣздомъ черезъ Новочеркасскъ попадаю въ офицерское собраніе на вечеръ. Странное впечатлѣніе произвело оно на меня: это скорѣе дѣтская площадка или ученической пикникъ, а не лѣтнее офицерское собраніе. Народу мало, всѣ ходятъ какъ-то вяло, скучая. Подъ жалкіе звуки тощаго оркестра по площадкѣ носится учащаяся молодежь: пляшутъ кадеты (кадетъ и дирижируетъ танцами), пляшутъ гимназисты, вертятся реалисты и гимназисты, подвизаются студенты; среди дамъ все больше подросточки учащіяся, да нѣсколько барышень, очевидно, послѣдняго выпуска изъ института и гимназій. Офицерства въ танцахъ не видно, да и въ собраніи-то его неособенно много. И такъ вѣдь изъ года въ годъ. Наше собраніе только и оживляется на рождественскихъ святкахъ, да и то опять-таки учащимся міромъ, а мы,

хозяева, бродимъ изъ угла въ уголь, если попадемъ въ собраніе, а попадаемъ-то туда, къ сожалѣнію, неособенно часто. Что за причина, что наши офицеры такъ мало любятъ свое собраніе? Ну, а публика, особенно дамы, въ отвѣтъ на приглашеніе туда, обычно отвѣчаютъ:

— Ну, тамъ тощица ужасная! Ужъ если идти, такъ въ городской клубъ или въ ротонду.

— А ну-ка что тамъ хорошаго? заинтересовался я и завернулъ и въ эти два учрежденія, но и тамъ почти никого. Да! вяла и скучна столица Дона—спитъ непробуднымъ сномъ съ застывшей и почти неизмѣнившейся за 20 лѣтъ физиономіей.

Особенно ощутительно въ Новочеркасскѣ отсутствіе постоянного большого гарнизона. Городъ вѣдь большой и ласкающая взглядъ выправкой и внѣшнимъ видомъ отдѣльная сотня и мѣстная команда какъ-то расплываются по городу совершенно незамѣтно. А между прочимъ такъ и хотѣлось бы послушать ту лихую казачью пѣсню и увидѣть стройныя сотни, полки и батареи, которыхъ такъ не достаетъ столицѣ Дона и по которымъ такъ тосковалъ нашъ извѣстный писатель-донецъ П. Красновъ во время своего посѣщенія Новочеркасска.

В. Добрынинъ.

